

Искусство созидания

Вся история советского театра, от первых спектаклей-митингов на площадях революционного Петрограда до последней премьеры в Художественном и Малом театрах, — это последовательная и неуклонная борьба за мир, борьба за утверждение самых высоких, самых гуманных человеческих идеалов и идей.

Иначе и не могло быть. Мир всегда был светлым законом нашей жизни, нашим страстным, заветным стремлением, знаменем Советской страны.

В первую же ночь после Октябрьского восстания на II съезде Советов, по предложению великого Ленина, был принят декрет о мире. Обращаясь ко всем народам воюющих стран, он призывал их «успешно довести до конца дело мира...».

Не случайно поэтому в первых же крупных произведениях нашего театра, говорящих о рождении Советского государства, возникает и тема мира. Мечтая о земле и мире, прямо из окопов пришел в Питер простой русский солдат Иван Шадрин — герой пьесы Николая Погодина «Человек с ружьем».

Здесь, в славном городе революции, судьба подарила солдату счастливую встречу. Однажды в коридоре Смольного он встретил Ленина. Беседа с «человечейшим из людей», с мудрым учителем и вождем народа определила всю его дальнейшую жизнь, наполнила ее новым смыслом. Шадрин понял: мир надо защищать, за мир надо бороться.

«Наше мужицкое дело так повернулось», — говорит он, прощаясь с женой и снова уходя на фронт, — «лишь конец войне и земля наша, либо опять головой в хомут до самой смерти».

«Теперь не надо бояться человека с ружьем», — говорил в этой пьесе Ленин, провожая красногвардейцев и моряков в бой за человеческое счастье.

«До свиданья, красные воины! — повторял вслед за Лениным русский ученый, депутат Балтики, герой пьесы Л. Рахманова, профессор Полежаев. — Красный цвет непобедим... Это не только цвет крови, это цвет созидания. Это единственный животворящий цвет в природе...».

Так для всех честных людей мира алый цвет нашего знамени был, есть и будет цветом жизни, цветом мира и великой надежды. Глубокая и прогрессивная идея всегда дает долгую жизнь произведению искусства. В идее лежит секрет его немеркнувшей молодости, его живой силы.

Когда сегодня, в канун празднования 33-летия нашей великой революции, вспоминаешь, какой путь за эти годы прошел советский театр, тебя поражает, как обжигающе современно звучат сегодня многие из давно написанных пьес, как верно несет наш театр благородную вахту мира.

«Штурм», «Разлом», «Любовь Яровая» вихревыми языками своего искусства раскалывают о том, как борьба народа за власть была в то же время борьбой за мир и справедливость.

«Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, эту классическую советскую пьесу, поставленную с такой силой больше двух десятилетий назад Художественным театром, перечитываешь сейчас, как живой комментарий сегодняшних событий.

...Советское Приморье времен гражданской войны. На рейде — японские и американские корабли. Они пришли сюда, чтобы задуть революцию, чтобы сделать колониальными рабами наших людей. Так же, как и сегодня в Коре, они расстреливали из пулеметов мирных людей, убивали детей и сжигали посевы.

Как живое свидетельство очевидца звучит сегодня рассказ рыбака из этой пьесы. Так же, как миролюбивые корейские крестьяне, как Иван Шадрин, как все простые люди мира, не хотел воевать и Никита Вершинин, хозяйственный, трудолюбивый таеж-

ный крестьянин — герой «Бронепоезда».

«Нет, нет, ты меня в войну не тани, — говорил он своему другу моряку Знобову, — ...охотник, рыбак я, землю опять же пахем — и все!».

Но вот к нему, человеку мирного труда, пришли из-за океана непрошенные гости, сожгли его детей, разрушили хозяйство, и Вершинин взял в руки оружие, чтобы защитить дело мира.

Когда лязгающий железом вражеский бронепоезд, как злобный символ войны и интервенции, двинулся к приморскому городу, где самый дорогой для Вершинина человек, «золотой, светлый человек» — коммунист Пеклеванов — поднял восстание, партизаны легли на рельсы, чтобы телами своими закрыть дорогу поезду, и отважный сын китайского народа — партизан Син Бин-у жизнью своей остановил его ход. Так и сегодня миллионы защитников мира, не щадя своей жизни, преграждают путь войне!

Мир — это жизнь, творчество, счастье народа. В самые трудные дни гражданской войны и интервенции, отбиваясь от яростной своры врагов, мы мечтали о нем, ждали его.

И вот время мирного строительства наступило. Вспоминаются пьесы, спектакли, творения наших актеров этой поры. Все они пронизаны солнечным светом созидания, радостью мирного творчества, все они славят жизнь и красоту человеческого деяния.

«Поэмой о топоре» назвал Николай Погодин свою пьесу, рассказывающую о труде прославленных золотоустовских сталеваров — героев первой пятилетки, впервые сваривших в нашей стране драгоценную нержавеющую сталь.

«Поэма о топоре» была в то же время и поэмой о мире, ибо сталевары Златоуста, издавна владеющие секретом грозной булатной стали, проводили ночи у печей не для того, чтобы создать булат, а для того, чтобы подарить своей стране металл для доброй, хозяйской работы, для того, чтобы строить и украшать свой дом.

До сих пор живут на сцене герои пьес, написанных в то время. Их образы исполнены высокой человечности и благородства, свойственных нашему миролюбивому народу. Вот встает передо мной мужественное лицо неумолимого борца со смертью, беспокойного искателя нового, бывшего кочегара, ставшего талантливым советским хирургом, — Платона Кречета, образ которого был создан А. Корнейчуком и воплощен лучшими актерами страны. Все его мысли и поиски посвящены благородному делу спасения бесценной человеческой жизни, борьбе за сохранение каждой капли горячей человеческой крови.

«Я знаю, что пьеса написана почти 15 лет тому назад», — говорил переводчик «Платона Кречета» на корейский язык, драматург Дим Хва. — но для нас она актуальна. Показ гуманизма советского человека, высокой морали людей социалистического общества имеет большое воспитательное значение для нашего зрителя... Театр всегда переполнен, и зрители восторженно отзываются о пьесе». Так продолжает свою жизнь «Платон Кречет», участвуя в светлом деле борьбы народов за свою свободу и независимость.

А рядом с Платоном — один из любимых героев нашего театра, простой волжский парень Сергей Луконин из пьесы К. Симонова «Парень из нашего города», ставший доблестным солдатом армии своего народа, всегда готовым встать на защиту мира и демократии.

В одну шеренгу с ним встает целая армия героев, созданных нашим театром и драматургией: доменики и геологи, хозяйственники и инженеры — талантливые, азартные, беспокойные строители первых пятилеток — персонажи пьес Н. Погодина, А. Афиногенова, В. Катаева, А. Брона и Б. Ромашова.

Какое счастье выпало на долю со-

ветских актеров и режиссеров, призванных в спенических образах воплотить жизнь и дела своего замечательного современника!

«Я играл ученых Тимирязева, Мичурина, Попова, — писал народный артист СССР Н. Черкасов. — я исполнил роль любимого детьми рассеянного географа Паганеля, я воплощал образы великого писателя Максима Горького и скромного учителя молодых моряков... Никогда, ни в чьих интересах ни мне, ни моим товарищам не приходилось унижать историю и искусство, как это делают в Америке, облекая в пряные, соблазнительные формы гнусные, человеконенавистнические идеи».

Наше искусство всегда есть, было и будет самым человеческим искусством в мире. Всегда будет по-горьковски гордо звучать в нем великое слово «Человек»!

Когда на нашу страну обрушилась лавина вражеского нашествия, когда злобное гитлеровское зверье ринулось против Человека — вместе со всем народом на защиту мира, на защиту своего отечества стали и художники советского театра. С большой образной силой показали Леонид Леонов в своем «Нашествии», К. Симонов в «Русских людях» великое единение советского народа перед лицом бесчеловечного врага, торжество социалистического гуманизма над силами разрушения и смерти.

Люди самых мирных профессий — старый земский врач Таланов, его дочь — молодая учительница, еще недавно проверявшая тетрадки своих учеников, его жена, больше всего на свете любящая музыку, веселый фельдшер Глоба и чудесная русская девушка, почти подросток, Валя — все они становятся стойкими борцами с фашизмом. Даже «блудный сын» талановской семьи в «Нашествии» — Федор Таланов, шедший до войны стиральной и узкой тропинкой еще не изжитого индивидуализма, постигнув глубину народного страдания, вступает на путь всенародной борьбы и завоевывает в ней высокое звание человека и гражданина.

Высоко, как знамя, поднял советский театр священные для каждого из нас образы Павла Корчагина, Зои Космодемьянской и молодых патриотов Краснодона, раскрывая на примере их героических жизней величие нравственной силы советского человека.

В фалеевской «Молодой гвардии», обобщенной почти все сцены нашей страны, есть чудесный эпизод, глубоко раскрывающий благородный гуманизм наших людей. В первые дни войны среди потока беженцев идут два паренька, два будущих молодого гвардейца — Ваня Земнухов и Жора Арутюнянц. Увлеченные разговором о поэзии, спора о Пушкине и Маяковском, о выборе профессии и любви, они не замечают тревоги, парящей вокруг них. И такая вера в победу и моральная чистота жила в этих ребятах, что отступающий вместе с ними майор не выдерживает и, чуть не плача, говорит им: «Вы, ребята... вы даже не знаете, какие вы ребята! Не-ет! Такое государство стояло и будет стоять!».

В патристических пьесах К. Симонова и Л. Леонова, А. Корнейчука и Б. Лавренева, В. Чиркова, А. Первенцева и Н. Вирты мы увидели мужественный образ народа на войне, представшего в дни испытаний во всей своей душевной красоте и силе. «Сталин на посту», — отвечает Зоя в пьесе М. Адиер, когда враги, угрожая смертью, требуют, чтобы она сказала, где находится вожь.

Сталин на посту, на посту мира, — говорят нам пьесы, посвященные решающим этапам войны. Мы видим, как в сосредоточенной тишине кремлевского кабинета, в бессонные ночи рождается гениальный сталинский план победы, как, разрабатывая грандиозный замысел разгрома врага, Сталин уже думает о мирном завтрашнем дне: о новых сортах пшеницы, о

марках будущих советских автомобилей, о посевах на еще не освобожденной от захватчиков крымской земле.

И мы еще раз говорим себе: весь гуманизм и миролюбие нашего народа, все силы его творческого гения, вся его жажда мира могут быть выражены одним словом — Сталин.

Слова «труд» и «мир» — родные братья. Поэтому тема труда в нашей послевоенной драматургии — это в то же время и тема мира.

Разве не о мире думает старый доблестный шахтер Макар Дубрава, который под землей вместе со своими учениками ведет горячую битву за уголь? Разве не во имя мира гонит по «зеленой улице» свой паровоз Алексей Сибиряков? Разве не для счастья наших детей коммунист Воропаев и его друзья сажают на крымской земле гигантские эвкалипты, выращивают апельсины и лимоны, готовятся дать драгоценную воду засушливым крымским степям? И разве не мирными помыслами освещен труд жителей «Калиновой рощи», создающих в содружестве с художниками и поэтами чудесный агрогород-сад, творящих в труде своем и новую эстетику и коммунистическую мораль.

Можно было бы сейчас назвать еще десятки поставленных после войны пьес и спектаклей различных авторов и театров, можно было бы рассказать, над чем работают они теперь, и хотя в одном случае это была бы пьеса о посадке молодых лесов, а в другом — волнующий рассказ о борьбе за новую марку стали и новые формы труда сталеваров Магнитогорска, — все равно они говорили бы об одном — о мирном устремлении нашего искусства, отражающего созидательный дух нашего народа.

В эти дни, у себя в Ермоловском театре, мы заканчиваем работу над новой пьесой А. Сурова «Рассвет над Москвой». Героиня этой пьесы Саня Солнцева — дочь и внучка потомственных московских ткачих — мечтает создать прекрасную ткань. Ей хочется, чтобы эта ткань была еще красивее, чем та, что создавали когда-то русские мастерицы, срисовывая морозные узоры с окон, перенося на холст краски вечерней зари. Она хочет дать народу ткань, достойную коммунистического завтра, и в этом помогает ей весь народ. Вот о чем мечтают, что ищут и создают наши люди. И театр — верное отражение жизни нашей — свидетельствует: мы думаем, живем, боремся с мыслью о мире!

Всей душой приветствуют советские художники предложение Постоянного Комитета защиты мира о сокращении всех видов вооружения, о решительном осуждении всякой агрессии, о запрещении пропаганды войны и насилия. Нельзя любить Пушкина и Шекспира и проповедывать сознательное и планомерное истребление человечества! Нельзя считать себя художником и поддерживать производство водородной бомбы!

Пусть, пока не поздно, поймут это все, кто еще придерживается позорного принципа невмешательства: нейтралитет ведет к прямой поддержке палачей и убийц.

Эстонский драматург А. Якобсон в пьесе «Два лагеря» раскрывает перед нами страшную программу «ученого-космополита, бандита Иоганнеса Лаагуса, провалявшегося в наш советский дом. «Моего бывшего шефа, профессора Майера», — говорит Лаагус, — называли Мефистофелем... он искал метод, при котором палочка Коха могла бы из карлика превратиться в исполина. Такое чудовище могло бы истребить человека почти мгновенно... Тогда самолетам не пришлось бы таскать тяжеловесные фугасные или зажигательные грузы... они просто опрыскивали бы осажденную страну. Этим легким облачком из забеснувших бацилл... и это гораздо выгоднее, чем расщепление атомного ядра».

Может быть, это преувеличение? Нет, это правда. Правда нашего искусства вступает против преступления! Ведь совсем недавно людоед Роз-

бери в своей книге «Мир или чума» выболтал горячие планы бактериологической агрессии. Ведь совсем недавно опубликован в Париже чудовищный план Поля Рейно. Ведь уже не тайна, что лаборатория Кемп Денрико проводила преступные опыты над живыми людьми, эскимосами дальнего севера Канады, заражая их чумой. Ведь был уже Хабаровский процесс убийц-бактериологов, и от этого никуда не уйти. Не напрасно эпиграфом к своей пьесе А. Якобсон поставил известные слова Юлиуса Фучика: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!».

И миллионы простых людей мира откликнулись сегодня на этот призыв. Бдительно стоят они сегодня на страже мира. «С нами в строю все, кто недаром носит звание человека», — говорит в пьесе Б. Лавренева «Голос Америки» коммунист Макдональд. И этот лагерь растет с каждым днем. Все больше и больше людей, ослепленных ранее прелестями американской «демократии», расстается со своими иллюзиями, вступая на путь активной борьбы за мир, как вступает на него, скажем, журналист Смит из «Русского вопроса» К. Симонова.

«Вышеупомянутый Смит долго и наивно думал, — говорит он в финале пьесы, — что есть одна Америка. Сейчас он знает: Америки две. И если вышеупомянутому Смит, к его счастью, да, да, к счастью, нет места в Америке Херста, то он, чорт возьми, найдет себе место в другой Америке — в Америке Линкольна, в Америке Рузвельта!».

Все сильнее и увереннее звучит голос этой «второй Америки» — Америки Говарда Фаста и Поля Робсона, Америки миллионов простых людей, голосующих за мир! Около пятисот миллионов борцов за правое дело человечества уже скрепили своей подписью Стокгольмское Воззвание. В «Заговоре обреченных» Н. Вирты театр показал — никакие заговоры, инсценированные заокеанскими режиссерами войны, не могут закрыть народам путь к новой жизни, противостоять великому примеру Советского Союза. «Мы не одни!» — говорит лидер народа Ганна Лихта в пьесе Вирты. — Советы проливали кровь своих сынов под Москвой, под Ленинградом и Сталинградом, и эта кровь дилась также ради нашей свободы! Мы говорим вам: наши судьбы едины, как едины наши сердца, как едины наши цели, и никому и никогда не разделить нас!».

Страх и смятение перед неизбежной расплатой испытывают все махиллы, уже осужденные судом народов. Их страшат непоколебимое спокойствие, уверенность и сила нашей страны, их повергает в трепет могучее объединение миллионов под знаменами мира, они боятся и нашего искусства, говорящего правду братским народам.

На весь мир звучит с подмостков советской сцены голос Ганны Лихты, голос Юлиуса Фучика, голос борьбы за мир и свободу. «Горе государству, которое в руках капиталистов, — это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов...» — так писал более ста лет тому назад неустрашимый борец за народное счастье — Виссарион Белинский!

Горе тем, кто вновь покушается сегодня на святыни человеческой культуры, на светлый мир доброго созидательного труда, на покой наших детей. Советские художники мобилизуют все свои силы, чтобы создать новые спектакли, пьесы и роли и послать их, как солдат мира, в бой с силами войны и агрессии.

Пусть еще громче звучит голос советского искусства — бесстрашного и могущественного пропагандиста мира!

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ.